

Рец. на: В.Б. Аксёнов. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). М.: НЛО, 2020. 992 с.

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: V.B. Aksenov. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii (1914—1918). Moscow, 2020

DOI: 10.31857/S086956870012953-9

Тема рассматриваемой книги давно оформилась как направление исторических исследований. Советская историография традиционно обращалась к революционным настроениям «масс», противопоставляя их «реакционным» действиям буржуазии и «несознательных» элементов пролетариата и крестьянства. В последние десятилетия заявило о себе «патриотическое» крыло, фокусирующееся на примерах сознательности населения России, готовности людей к жертвам для защиты родины в годы Первой мировой войны¹. Но означал ли «патриотизм» безоговорочную поддержку правительства? Носили ли действия Думы накануне революции патриотический характер? Где вообще проходит грань между патриотизмом и революционностью? Поиск ответов на эти и многие другие вопросы неизбежно приводит к дискуссиям о неизбежности революции 1917 г. и её характере. Пытаясь выйти из этого замкнутого круга, современные историки рассматривают революционную эпоху с новых сторон, привлекают новый методологический инструментарий и неизвестные до сих пор источники. Настроения человеческих сообществ прошлого всё чаще рассматриваются в контексте социальной психологии², большое внимание уделяется образам и слухам как реакциям человека на окружающую действительность³. Рас-

ширяются рамки самой революции за счёт включения в неё Первой мировой войны⁴.

Указанным тенденциям следует кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН В.Б. Аксёнов. В центре внимания его монографии — слухи, образы и эмоции российского общества времён Первой мировой войны. Слухи способствуют формированию «искажённых образов», отличающихся от образов, навязываемых пропагандой. В периоды социально-политических потрясений слухи и образы (внешнего и внутреннего врага, власти, армии) становятся горячим материалом, разжигающим общественное недовольство. Последнее наиболее ярко выражается в эмоциональных всплесках и аффективных действиях, зачастую не подчинённых логике и здравому смыслу. Именно поэтому эмоциональная составляющая революционной эпохи привлекла особое внимание исследователя.

Монография состоит из семи разделов, каждый из которых повествует об «определённой форме массовых настроений» (с. 9). Так, первый раздел — «Идея» — посвящён идейным основаниям массовых настроений накануне и в начале войны. Основное внимание уделено концепции «отложенной революции» и феномену «патриотического настроения 1914 года».

Основываясь на теории М. Вебера об аффективно-эмоциональном социальном действии, автор указывает на общую природу революционных (стачки, крестьянские волнения) и патриотических действий того времени. Их мотивировали разные политические идеи, но почти всегда в их основе лежали идентичные эмоции — «факторы архаичного бунтарства» (с. 65). Автор настаивает, что противопоставление революционности и патриотизма некорректно, так как в ходе войны и по мере нарастания кризиса формальные границы между этими понятиями стирались. Февральская революция в этом смысле — идеальный пример, так как она «была для многих патриотической революцией: власть свергли ради спасения России» (с. 22).

Говоря о патриотизме лета 1914 г., Аксёнов указывает на его «дуалистически-амбивалентную природу» (с. 55). Даже искреннее воодушевление нельзя однозначно отнести к провластным настроениям. Скорее, это было «восторженно-чувственное восприятие действительности», подменявшее собой рациональное мышление и прикрывавшее страхи. Кроме того, воодушевление и эйфория спокойно сосуществовали с ненавистью. На первый взгляд, речь шла только о германофобии, однако формы проявления этих «патриотических чувств» уже в 1914 г. несли в себе опасность для власти. Разгром германского посольства в Петербурге — самое известное, но далеко не единственное проявление «бунтарства» среди, казалось бы, лояльного населения.

Во втором разделе — «Действо» — на примерах мобилизации и манифестаций первых дней войны показана противоречивость общественных настроений. Критике подвергается «патриотическая» историография, опирающаяся в своих выводах на количественные данные (численность ма-

нифестаций по случаю войны, число мобилизованных, собранные пожертвования), а также материалы печати и официальные сообщения правительства. Приведённые источники свидетельствуют, что за этими цифрами скрывалась довольно пёстрая и неоднозначная картина событий. Манифестации чаще всего организовывались при содействии властей и правонархических организаций, а потому не были массовыми, особенно в провинции. Не слишком благополучно проходила и мобилизация, сопровождавшаяся конфликтами с полицией, драками и погромами винных лавок.

До последнего времени на периферии исследований оставалось отношение к начавшейся войне разных слоёв населения. Автор обратил внимание не только на призывников, но и на их жён и матерей, а также на студенчество и детей. Так, мобилизация привела к росту женского протестного потенциала, сыгравшего заметную роль в дни Февраля. Патриотизм студентов не следует путать с верноподданничеством, скорее наоборот — война воспринималась многими как шаг России к «свободе». Психологическая травма, которую наносила детям военная пропаганда, оказала огромное влияние на поколение, подросток во время революции и Гражданской войны.

Третий раздел — «Слово» — посвящён массовому сознанию крестьянства. Его рассмотрение, по признанию Аксёнова, — задача непростая, так как до сих пор не приходится говорить о «комплексном изучении массового сознания крестьян как многоуровневой структуры» (с. 192). В этой структуре присутствовали как рациональные, так и иррациональные элементы, доминировали архетипическо-мифологический и прагматический уровни, определявшие отношение крестьян к важнейшим вопросам — о войне, земле, Боге, власти.

Непонимание и неприятие войны, вызванные ею тяготы и лишения усиливали эсхатологические ожидания, недовольство властью. Значительное внимание уделено десакрализации образа самодержавия. Однако автор справедливо указывает, что не следует характеризовать крестьянские настроения как «антимонархические» или «республиканские». Напротив, идеальный образ царя изменился мало, так как «патернализм оставался главной характеристикой представлений крестьян о власти» (с. 193). Вообще теоретический уровень сознания сельского населения был развит слабо, и этот момент нередко игнорируется исследователями.

В четвёртом разделе — «Текст» — повествуется о городской письменной культуре в революционную эпоху. При этом имеется в виду именно текст письменный, имеющий «более строгую упорядоченную структуру» и меньшую вариативность интерпретаций, чем устный или визуальный текст-нарратив (с. 251). На этой основе анализируются такие вопросы, как настроения городских обывателей, их отношение к войне и революции. Особое внимание вновь уделено патриотизму в целом и российский общества в частности. Аксёнов критикует представление о патриотизме как исключительно положительной эмоции. Известно, что для сплочения общества необходима не только любовь к родине, но и понятный каждому образ врага. Всякий патриотизм основан на «взаимосвязанных положительных и отрицательных эмоциях» (с. 254). Как и в других воюющих государствах, в России образ внешнего врага дополнялся образом врага «внутреннего», что являлось предвестником гражданского конфликта.

Особенностью российского общества был ограниченный ареал распространения письменного текста, его слабое влияние на умы подавляющего

большинства населения. Нужно отметить, что в историографии «текст» часто противопоставляется «слову», которое через слухи и визуализацию якобы искажало «реальную» картину событий. Автор настаивает на более тесной их взаимосвязи. Слухи стирали границы между городом и деревней, сближая тематику, лексику, понятийный аппарат. В городах «фиксировались процессы десакрализации власти в формах, близких крестьянскому сознанию» (с. 317). Отмечался рост мистицизма и психических заболеваний, усиливавших «иррациональные пласты массового сознания» (с. 351). Эти тенденции, как справедливо отмечает Аксёнов, имели серьёзные политические последствия: стихийный бунт мог опереться на общепонятную идею и стать полноценным политическим протестом.

Пятый раздел — «Образ» — посвящён визуальному пространству Первой мировой войны. Автор считает его важнейшим направлением исследования общественных настроений, так как невербальная коммуникация отражает целый пласт эмоций. При этом Аксёнов значительно углубляет анализ и интерпретацию образов, проводя их сразу на нескольких уровнях — иконографическом, иконологическом, семиотическом. Образ суть тот же текст, имеющий свою структуру, внутренние и внешние связи. Понимание его как текста важно с практической точки зрения: до сих пор интерпретация образов тех лет отличается вольностью и зависит почти исключительно от впечатлений и умозаключений исследователя. Это приводит к поверхностному анализу, лишённому теоретической базы, визуальные документы часто остаются «не более чем иллюстрацией авторской мысли» (с. 361).

Выделены два основных источника визуализации революционной эпохи — «высокая живопись» и «мас-

совые жанры» (лубок, открытка, плакат). Однако эта граница достаточно условна: для «высокой» живописи также характерно обращение к народным традициям. Это проявилось и в стилизации под лубок, и в обращении к популярным в народе миллионари-стским сюжетам. Попытки реалистичного изображения войны, за редким исключением, потерпели неудачу. Новые направления с новым прочтением эпохи, такие как супрематизм, не приняла критика. Сцены фронтовой повседневности редко удавались даже признанным мастерам, не находили отклика в обществе. Отсутствие ярких, запоминающихся образов, наряду с военными поражениями, стало одной из причин падения интереса к лубочной продукции и вообще «патриотической» тематике. Пресса больше внимания уделяла «внутреннему врагу», под которым понимались уже не только немецкие бароны, но и русские торговцы, чиновники. Как и в случае с текстами, в области визуализации цензура оказалась не в состоянии остановить процесс десакрализации власти.

В шестом разделе — «Символ» — речь идёт о восприятии обществом устоявшихся ещё до войны символов и практик репрезентации власти. В первую очередь это триада «православие, самодержавие, народность». После 1905 г. она утратила значение, но власть не смогла предложить что-то принципиально новое. Пал авторитет православной Церкви, которая всё меньше подходила на роль «национального фундамента» (с. 691). Аксёнов рассматривает кризис репрезентации самодержавной власти с новых сторон и в более широком контексте. Так, «запечатлённый фотографией образ императора в автомобиле противоречил патерналистским представлениям о самодержце на белом коне» (с. 536). Здесь вступали в конфликт

традиционное и модерное восприятие мира.

Таким же просчётом явился конфликт Думы и правительства, которое само начало «приписывать Думе несвойственную для большинства её депутатов революционность» (с. 691). Здесь парадоксальным образом сошлись взгляды общества и власти: Дума к 1917 г. превратилась в консолидирующий символ оппозиционных сил. При этом попытка оппозиции опереться на армию не вполне удалась: её героизация диссонировала с распространёнными отрицательными образами солдата, офицера, сестры милосердия. Автор приходит к важному заключению, что сама концепция противостояния «власти» и «общества» упрощала задачу оппозиции, но не отражала реальных основ назревавшего гражданского конфликта.

Седьмой раздел — «Эмоция» — посвящён «психологическому измерению» 1917 г., слухам и образам, наполнявшим в то время российское общество. Роль слухов по мере приближения революции только нарастала, в 1917 г. они стали важной частью политического процесса. Отмечено их влияние не только на массовые настроения, но и на принятие политических решений. Они не имели границ, проникая и в крестьянские избы, и в квартиры городских обывателей, и в стены Таврического дворца. В дни Февраля слухи исполнили важнейшую функцию «самоисполняющихся пророчеств»: не только общество, но и власть действовала под впечатлением от них, что лишь усиливало напряжение и усложняло задачу подавления беспорядков. Очевидно неправдоподобные, они принимались на веру не только городскими и сельскими жителями, но и полицией, жандармами, министрами. Автор указывает на несколько самых распространённых сюжетов революционной эпохи,

например «чёрный автомобиль» и пулемёты на крышах. Многие слухи оказались весьма устойчивыми, пережив не только 1917 г., но и весь советский период.

После «медового месяца» революции у многих современников наступило опустошение и разочарование. Вслед за деревней в городе распространились эсхатологические настроения, усилившиеся после убийства царской семьи в июле 1918 г. Отмечался рост числа психических заболеваний и нервных расстройств. Ломка повседневности и структуры общества «оборачивалась депрофессионализацией, потерей социального статуса» (с. 815). Наступала новая эпоха, знаменовавшая собой не только смену власти, но и новое измерение времени (переход на григорианский календарь), новый лексикон и алфавит (реформа русской орфографии 1918 г.), новые социальные отношения.

Весьма объёмная и информативная, монография значительно расширяет представления о Великой российской революции, раскрывает её с новых сторон, вводит в оборот огромный пласт источников. Вместе с тем работа не свободна от упущений. Так, недостает чёткого определения понятия «пропаганда», хотя автор использует его неоднократно и в самых разных контекстах: «патриотическая пропаганда», «военная пропаганда», «официальная пропаганда», «охранительная пропаганда», «сентиментальная пропаганда». Если пропагандой в России времён Первой мировой войны занимались, то кто именно, какие органы власти, какими средствами? В тексте приведены лишь несколько примеров с брошюрами о «немецких зверствах», но общей картины работы пропагандистской машины они не показывают.

Встречаются и другие, не вполне обоснованные обобщения и упроще-

ния. Так, печать в тексте часто называется «либеральной», «центристской», «левой», «правой», «консервативной», «патриотической», но какие газеты и журналы входили в эти категории — почти нигде не указано. Если существовала «патриотическая» пресса, то значит ли это, что была и непатриотическая? Относима ли к «патриотам» кадетская газета «Речь» — последовательный критик правительства и в то же время сторонник войны до победного конца? Центристской или либеральной газетой было «Русское слово», а «Новое время» — правой или консервативной? Из повествования складывается ощущение, что эти различия имели формальный характер, но это лишь на первый взгляд. Яркий пример — освещение в печати «немецких зверств» и «немецкого засилья», в котором особенно преуспело «Новое время». Его давние противники, «Речь» и «Русские ведомости», сомневались в массовых «зверствах», критиковали кампанию по борьбе с «засильем», защищали от нападок немецкую культуру⁵.

Ещё одно последствие этих обобщений и упрощений — не всегда обоснованные интерпретации. Так, Аксёнов утверждает, что пресса не писала о случаях массовых самоубийств подростков «из патриотических соображений» (с. 120). При этом упускается из виду фактор цензуры, которую автор упоминает неоднократно. В архивных документах нет недостатка примеров, когда военная цензура вычёркивала предложения и даже целые статьи с описанием ужасов войны и вообще всего, что могло вызвать у читающей публики тягостные чувства. При этом она имела на эти действия полное право по ст. 31 «Временного положения о военной цензуре»⁶ и дополнительным циркулярам⁷.

В другом месте Аксёнов пишет: «Официальная печать игнорировала

реалии военного времени, по законам которого и немцы, и русские демонстрировали одинаковую жестокость к мирному населению, и продолжала пропагандировать образы немца-варвара и русского святого воина» (с. 608). Опуская вопрос, какие издания автор считает «официальными», отмечу, что далеко не всё печатаемое в газете того времени было собственным материалом. Значительную часть телеграмм даже в столичных изданиях (не говоря уже о провинциальных) предоставляло официальное Петроградское телеграфное агентство. При этом содержание сообщений даже таких близких к власти газет, как «Новое время», могло с его телеграммами расходиться. Сведения о положении на фронте и в стане врага регулярно предоставляло Главное управление Генерального штаба, причём строго запрещая указывать себя в качестве источника. Эти «неофициальные сведения» ежедневно публиковали и официозное «Новое время», и оппозиционная «Речь». В качестве телеграмм «из Петрограда» они попадали в московскую и провинциальную печать. Сам образ врагов, отношение печати к войне претерпевали эволюцию, которая видна только при внимательном анализе материалов каждой конкретной газеты и журнала, с учётом документов редакций, военной цензуры, Ставки, Генштаба.

Из мелких недочётов нельзя не отметить непоследовательность автора в цитировании источников: в одних случаях обесценная лексика приводится с купюрами, в других — полностью.

Указанные недостатки, конечно, не перекрывают всех достоинств монографии. Автору удалось труд, подробным образом описывающий одну из самых драматичных эпох в истории Российского государства.

Примечания

¹ *Борищукова Е.Д.* Общественное мнение населения Российской империи о Первой мировой войне и защите Отечества (1914—1917). М., 2012.

² *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017.

³ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁴ Эпоха войн и революций. 1914—1922. Международный colloquium (Санкт-Петербург, 9—11 июня 2016 г.): научные доклады. СПб., 2016.

⁵ См., например: Немецкая философия и немецкий национализм // Речь. 1915. 17 апреля; Виноват ли Кант? // Русские ведомости. 1915. 11 февраля.

⁶ Временное положение о военной цензуре, принятое в связи с действующим Уставом о цензуре и печати. Одесса, 1914. С. 12.

⁷ К примеру, инструкция московским военным цензорам запрещала допускать к печати сведения, «могущие угнетающе действовать на читателей». См.: РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 14, л. 10.